

ПАТРИОТИЗМ В СТРУКТУРЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РУССКОГО ЗАПАДНИЧЕСТВА XIX – НАЧАЛА XX В.

Игорь Тяпин

Вологодский государственный
университет

В статье на основе сравнительно-исторического метода выделены историко-культурные предпосылки генезиса патриотизма и западничества в цивилизационном пространстве России. В рамках историко-философской реконструкции выявлены особенности освоения идеи патриотизма, выработанной в западноевропейской теории, в философии русского западничества. Показано, что феномен патриотического западничества в России, истоки которого обнаруживаются в XVIII в., по-настоящему оформился в XIX в. вследствие необходимости разрешения противоречия между европоцентристской модернизацией общества и культурно-историческим фундаментом его цивилизационной самобытности. Доказывается, что к риторике патриотизма прибегали представители различных философских и политических течений внутри русского западничества – от революционно-демократического до консервативного. Указаны характерные признаки патриотического западничества: стремление к укреплению государственного суверенитета России, рациональное обоснование ее политического и социально-экономического состояния, а также направлений и масштаба заимствований как источника и движущей силы развития гражданственности индивида и общества. Аргументируется тезис о том, что разразившийся в XX в. кризис парадигмальной модели патриотического западничества во многом был обусловлен принципиальным восприятием России лишь как периферийной части западной системы и, главное, нарастающим несоответствием западнического понимания патриотизма и социальной (внутриполитической, аксиологической, геополитической) реальности.

Ключевые слова: западничество, декабристы, революционные демократы, академический либерализм, идеология.

This author of the article, using a comparative historical method, identifies the historical and cultural preconditions for the genesis of patriotism and Westernism in Russia's civilizational space. Through a historical and philosophical reconstruction, he identifies the specific ways in which the idea of patriotism, developed in Western European theory, was assimilated into the philosophical and political thought of Russian Westernism. It is demonstrated in the article that the phenomenon of patriotic Westernism in Russia, which origins date back to the 18th century, truly took shape in the 19th century due to the need to resolve the contradiction between the Eurocentric modernization of society and the cultural and historical foundations of its civilizational identity. It is argued that representatives of various philosophical and political currents within Russian Westernism, from revolutionary democratic to conservative, resorted to the rhetoric of patriotism. The characteristic features of patriotic Westernism are identified, such as a desire to strengthen Russia's national and state sovereignty, a rational justification of the country's political and socioeconomic status, as well as the directions and scale of borrowings from the West as the source and driving force behind the development of individual and societal civic consciousness. The article comes to the conclusion that the crisis of the paradigmatic model of patriotic Westernism that took place in the 20th century was largely provoked by the fundamental perception of Russia as merely a peripheral part of the Western system and, most importantly, due to the growing discrepancy between the Western understanding of patriotism and social (domestic political, axiological, and geopolitical) reality.

Keywords: Westernism, the Decembrists, revolutionary democrats, academic liberalism, ideology.

Немалая часть дискуссий из истории русской общественной мысли сегодня совершенно не потеряла своей актуальности и остроты. В рамках осмысления и классификации социально-философских (историософских, политических и т.д.) подходов и концепций в русской философии устойчивая идейно-политическая оппозиция «либералы – патриоты» оказывается некорректной с точки зрения формальной логики, ибо либерализм и патриотизм – это идеологии из двух разных политических плоскостей: внутривнутриполитической и внешнеполитической. В содержательном плане данная оппозиция объяснима установкой либералов на нетрадиционный для России социальный атомизм. Более логичной представляется оппозиция «западники – патриоты/почвенники». Однако и здесь нужно опираться на принцип историзма, понимая, что «тогдашние западники (особенно западники-патриоты-государственники) были западниками не из русофобии, а из здравого смысла» [9], поскольку Запад представлял собой «полнокровную многообразную вселенную», а Россия – «великую и дерзновенную мечту», которую еще нужно было сделать фактом.

Рождение феномена русского/российского западничества приходится на XVII столетие, распространение – на XVIII век («век Просвещения»). Если в XVI в. Московская Русь была вполне «монолитным» в духовном и культурном плане обществом (по словам В.О. Ключевского, Россия в XV–XVI вв. «была знакома с Западной Европой, вела с ней кое-какие дела, дипломатические и торговые, заимствовала плоды ее просвещения, призывала ее художников, мастеров, врачей, военных людей. Это было *общение*, а не влияние» [15, с. 355]), то при первых Романовых контакты верхушки правящего слоя с представителями инославных государств стали уже достаточно интенсивными. Русские западники допетровского времени – фигуры различного уровня, начиная от подьячего Г.К. Котошихина и заканчивая разработчиком Новоторгового устава и Андрусовского перемирия А.Л. Ордин-Нащокиным, боярином А.С. Матвеевым, благотворителем Ф.М. Ртищевым, ликвидатором института местничества князем В.В. Голицыным. «В западничестве, – писал Г.П. Флоровский о Петре I, – он не был первым, не был и одиноким в Москве конца XVII-го века... Петр застает в Москве уже целое поколение, выросшее и воспитанное в мыслях о Западе, если и не в западных мыслях... Новизна петровских реформ не в западничестве, но в секуляризации» [20].

Западничество эпохи Петра I (как практика, так и первые попытки теоретизирования, например работы Ф.С. Салтыкова «Пропозиции» и «Изъявления, прибыточные государству»), а также нескольких десятилетий после его правления было еще неструктурированным и весьма неоднозначным по своему идейно-культурному потенциалу. Так, если верить преданию, Петр I сформулировал цель своих реформ следующим образом: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». «Однако теперь, по прошествии уже более трех столетий, – пишет А.Ю. Минаков, – можно констатировать, что во многом это была лишь абстрактная патриотическая декларация» [5]. Реформы Петра были патриотичны на уровне общей цели, но антинародны и зачастую неадекватны в плане большинства конкретных установок и деяний. Тем не менее, как отмечает, к примеру, С.М. Сергеев,

сам русский («российский») народ еще не был дискредитирован как «неполноценный» (наоборот, декларировалась вера в его огромные творческие силы): «неполноценными» объявлялись только его старые, «ветхие» формы существования, сама же «народная» (национальная) парадигма развития России сомнению не подвергалась (тот же Ф.С. Салтыков мыслит русских как один из европейских народов, ничуть им не уступающий, а лишь несколько задержавшийся в своем историческом развитии, но отставание это способный легко преодолеть: «Российский народ такие же чувства и рассуждения имеет, как и прочие народы, только его довлеет к таким делам управить», чтобы «уравнять наш народ с европейскими государствами») [8, с. 69].

Суждения Ф.С. Салтыкова следует считать прелюдией к начавшейся в России (с ее вступлением в эпоху Просвещения) рефлексии и секуляризации прежнего – стихийного и религиозного – патриотизма средневековой Руси (фактически заложенного в «Слове о Законе и Благодати» митр. Илариона, доктрине старца Филофея, идее обособленного национального бытия протопопа Аввакума). Далее эта тенденция разовьется в размышлениях П.П. Шафирова, Феофана Прокоповича и М.В. Ломоносова.

Как отмечает Н.Д. Кочеткова, у Ф. Прокоповича, проповедовавшего культ абсолютной монархии во главе с «отцом отечества» и необходимость светского образования, религиозный аспект заметно приглушен, а в некоторых сочинениях и проповедях совершенно отсутствует. Прокопович выступает не столько как православный христианин, борющийся за чистоту веры, сколько как политический деятель, оценивающий события с точки зрения государственных интересов: отсюда его представление о международном престиже России, восхищение военными победами («Разбила русская храбрость замок ваш, добыла Дерпта крепкого, сломила железную Нарву») [4, с. 57]. Определяя патриотизм как основную гражданскую добродетель, Прокопович видел в нем важнейший социальный ресурс развития государства.

М.В. Ломоносов доказывал всей своей жизнью принципиальную возможность для русского сознания выбора альтернативного пути модернизации – соединения умеренного и рационально-критического западничества с искренним и пламенным патриотизмом не только в области чувств, но и дела. Однако патриотизм Ломоносова – во многом именно западнический патриотизм. Так, утверждая в письме к И.И. Шувалову, что в «сохранении и размножении российского народа состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [16, с. 384], он предлагает перенести Великий пост (а значит, и Пасху) с весны на более подходящее (с точки зрения биологических и хозяйственных ритмов) время года (поскольку «российский народ гибок!»).

Такой же (рационально-просвещенческий, несколько абстрактный) характер носило и понимание патриотизма А.Н. Радищевым, по мысли которого, подлинного сына отечества характеризует бескорыстное стремление служить делу процветания родины, установления в ней демократических порядков, развития науки и искусства, делу искоренения крепостничества [6, с. 91]. Патриотические качества человека как сына отечест-

ва – это честь и честолюбие, честность, благонравие, благородство, добродетельность и жертвенность во имя народа и родины [17, с. 278–286].

В полном смысле слов западничество как *философско-политическое течение* оформилось приблизительно в первой трети XIX столетия в связи с реакцией на критический анализ петровских реформ и в контексте вычленения в России основных политических идеологий – консерватизма, либерализма и социализма.

Так, Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» писал о том, что страсть к новому у Петра вышла за пределы всяческого благоразумия, требующего в любом государственно важном деле считаться с «мнением народным», с его духом и верой, издревле служившими надежной опорой российской государственности. Тем более недопустимо было унижать народные обычаи, что Петр делал с маниакальным рвением («русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ», «презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?»). Карамзин, критически осмысливший несколько десятилетий устойчивой бытовой и культурной германомании, а затем (со времен Елизаветы Петровны и Екатерины II) галломании русского дворянства, призывал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках. Хорошо и должно учиться: но горе народу, который будет всегдашним учеником» [12, с. 257].

Преимущественно в период первой трети XIX в. внутри русского западничества шли постепенные процессы не просто теоретического, философско-идеологического оформления (что в итоге выразилось в кружке Т.Н. Грановского, «Философических письмах» П.Я. Чаадаева), но и дифференциации по критерию толкования понятия «патриотизм» и допущения естественности и необходимости патриотизма как чувства и мысли применительно к российской действительности.

Сутью *патриотического* западничества является установка на то, что Россия в результате западных институциональных заимствований должна сохраниться и укрепиться как суверенное национально-государственное образование, реализовать некий общечеловеческий потенциал. Исходя из этого признается принципиальная возможность преодоления культурной, научной, технической и иной отсталости, а в качестве стратегической цели реформ и заимствований утверждается достижение экономического, политического и культурного расцвета страны. Рациональное определение и обоснование причин, направлений и сроков западных заимствований здесь сочетается с признанием необходимости сохранения национального самосознания, национальной «физиономии» в рамках западной цивилизационной модели. На основе рационального анализа специфики западной цивилизации и ее истории осуществлялся критический анализ отдельных периодов отечественной истории и элементов российского социально-политического и экономического строя, поиск и выделение естественных причин и закономерностей российской отсталости.

Важно отметить, что, кроме прямо противоположного подхода, экзистенциально отрицавшего возможность положительного или хотя бы нейтрального характера любых историко-культурных, бытовых и иных

традиций и реалий России, приписывавшего ей некую онтологическую ущербность, от патриотического западничества следует отличать *квази-патриотическое* направление, мимикрирующее под первое на уровне отдельных лозунгов и деклараций, оперирующее в прагматических целях отдельными установками патриотического западничества или даже незападнических направлений. Примером последнего выступает П.Я. Чаадаев, представлявший Россию как забытое Провидением географическое пространство вне истории, ярких событий (которые сводились только к рабству, крови и насилию). Лишь маскировкой, лукавством выглядят его суждения в «Апологии сумасшедшего» вроде: «Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия... Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество» [21, с. 533–534]. Нужно помнить, что у Чаадаева Россия предстала не просто отсталой, но *аномальной* страной, история которой противоречит законам эволюции и существования прогрессивных – европейских – народов. Отсюда и его известный тезис о непреодолимом противоречии национальных и универсальных добродетелей: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо» [21, с. 523–524].

В качестве предварительного вывода можно утверждать, что патриотизм для определенной части русского западничества воспринимался (в соответствии с пониманием нациестроительства в тогдашней европейской мысли) как побудительная сила политической, гражданской и профессиональной активности человека, его превращения из просто подданного и представителя какого-либо сословия в рационально мыслящего гражданина, источник развития народа как коллективной личности, основание установления в будущем взаимосвязи гражданского общества и государства. Акцент делался не столько на вопросе о защите Отечества, сколько на созидательном участии гражданина в различных сферах деятельности во имя развития как общества, так и него самого. Однако прочному утверждению этого подхода не способствовала внутренняя политика в Российской империи, которая апеллировала к русской идентичности, традиционным ценностям тогда, когда имели место вызовы, угрожающие самому государству. Внешне патриотическое западничество значительной части монархической элиты (испытывавшей, по словам Ф.И. Тютчева, «презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального») – закономерный результат балансирования между ценностями и нормативами

Запада (родного в том числе в династическом, генетическом отношении) и объективно альтернативной российской цивилизационной системой.

Можно констатировать, что обращение к тематике сущности и значения патриотизма имело место у различных философских и политических течений внутри русского западничества.

В рамках декабристских организаций патриотическая идея устойчиво присутствовала, но понималась как идея национальная и демократическая, носителем которой вместо царствующей династии провозглашался сам народ. Так, П.И. Пестель писал об унитарной русской республике. В «Русской Правде» иностранцам запрещается иметь в России недвижимое имущество, пользоваться политическими правами, поступать на государственную службу (кроме как по ведомству образования). Н.М. Муравьев призывал к «законному борению» граждан против самодержавия как врага, аналогичного татарскому владычеству, во имя общего блага народа. М.Ф. Орлов в частном письме княгине С.Г. Волконской проповедует: «Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды». К.Ф. Рылеев полагал для приема нового члена в Северное общество достаточным основанием то, что кандидат «пламенно любил Россию» и «для благ ее готов был на всякое самоотвержение» [7].

Позднее В.Г. Белинский, критиковавший абстрактный космополитизм («Кто не принадлежит своему Отечеству, тот не принадлежит и человечеству»), заявлял, что «мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе» [11, с. 57]. Он также утверждал следующее: «...чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь – национальность... Мы... решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью... Другими словами: народности суть личности человечества» [10, с. 21, 29].

Достаточно известен и следующий отрывок Белинского: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутренне-го развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, – об этом пока еще рано нам хлопотать... В чем состоит эта русская национальность, – этого пока еще нельзя определить; для нас пока довольно того, что элементы ее уже начинают пробиваться и обнаруживаться сквозь бесцветность и подражательность, в которые ввергла нас реформа Петра Великого» [10, с. 29].

Революционные демократы использовали тему социальной и национальной дискриминации русских в Российской империи. Русские как

наиболее угнетаемая самодержавной властью нация должны были стать движущей силой будущего революционного переворота и главенствующим этносом нового государства, политическим центром общеславянской федерации. По А.И. Герцену, русская особость, русский национальный уклад жизни становились вариантом спасения от либерально-капиталистического «зигзага» Запада, ведущего к крушению цивилизации.

Как отмечает С.В. Килин, примыкавший к западникам М.Е. Салтыков-Щедрин считал, что только образованный человек способен постичь понятие истинного патриотизма, состоящего в содействии не преходящей, а вечной славе своего Отечества и благу человечества [2, с. 25].

По мнению В.В. Журавлева, программа русских демократов середины XIX в. была объективно направлена на постепенное и последовательное приобщение России к мировой цивилизации, развитие самосознания и сплочение нации [1, с. 21]. Лишь в 1870–1880-е гг. русская революционная идеология в работах представителей народничества (П.Н. Ткачева, П.Л. Лаврова и др.) утратит патриотическое содержание, а к концу XIX столетия под влиянием марксистского учения в среде российской радикальной интеллигенции распространяется сугубо интернационалистская трактовка социализма.

Потенциал наиболее органичного соединения либеральных и патристических установок содержало в себе благодаря государственно-правовой методологии понимания общества и истории консервативное и умеренно-либеральное (либерал-консервативное) западничество. Здесь прежде всего примечательна историософская концепция М.Н. Каткова, перешедшего с позиций полудемократического (в период его общения с Белинским), а затем либерального западничества на позиции активного охранительства. Россия виделась Каткову вполне зрелой страной, с длительной самобытной историей, глубокими непоколебимыми инстинктами и историческими традициями, которые происходят из ее природы. Увлечение западными идеями привело русское общество к тому, что «в своих представлениях мы живем все время вне России, и эта двойная жизнь рождает ужасный хаос в наших мыслях и в нашей реальной жизни. Все, что говорится на другом языке, переходит в головы русских, и они постоянно переносятся из российского образа жизни на далекие земли» [14, с. 493–494]. Однако элементы западничества в мировоззрении Каткова сохранялись на протяжении всей его жизни, отнюдь не приводя его к англomanии. При анализе работ Каткова довольно откровенно проступает теория Г. Гегеля о последовательном саморазвитии абсолютного духа. Он писал, что дух равен самому себе, он везде один и тот же, «как в отдельном человеке, так и в отдельном народе, так и в целом человечестве, как в зерне развития, так и в различных циклах своей жизни – действует он по одним и тем же законам, творит одни и те же миры, изводит из себя одно и то же содержание. Каждый период развития духа есть повторение предыдущего периода, и вместе – отрицание его... он сбрасывает с себя одну форму для того, чтобы открыться в другой, достойнейшей, он переходит с низшей ступени на высшую для того, чтобы виднее и явственнее показать существо свое» [13, с. 14]. При этом у Каткова прусская монархия заменялась на русское самодержавие в качестве идеала

социально-политического устройства, а православие ставилось на место лютеранства в качестве идеальной религии.

Обоснование государственно-национального патриотизма занимало далеко не последнее место в работах Б.Н. Чичерина. Он еще в 1860-х гг. сформировал программу «либерального консерватизма», в основе которой лежал принцип «либеральные меры и сильная власть», поскольку, в отличие от Запада (где общественное устройство сложилось само собой), в России монархия сделалась исходной точкой и главным фактором всего исторического развития народной жизни (даже сельская община, по мнению Чичерина, имела не патриархальное, а естественное происхождение). По сути, он пытался сочетать либерализм с идеей строительства нации как модернизирующего феномена. Чичерин прослеживает диалектику соотношения государства и общества как соотношения национального и универсального. Во имя нравственного закона человек подчиняется общественному началу как высшему выражению духовной связи людей. Идеи и социальные модели, «которые возникают среди одного народа, проверяются другими; каждый служит для других примером и поучением. Те особенности, которые вытекают из народного духа и из разнообразия исторических условий, указывают только на степень развития и на большую или меньшую близость к идеальному порядку, сознаваемому как конечная цель» [22, с. 77]. При этом идеи и практику, выработанные европейской мыслью, Россия должна приспособить для себя в тех размерах и на таких условиях, какие допускаются ее историей и жизнью.

Первое издание итоговой в тематическом отношении книги Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия» (1900) было подписано псевдонимом «Русский патриот». Как отмечают В.А. Китаев и М.В. Медоваров, чтобы понять природу «патриотического» мотива у Чичерина, надо принять во внимание, что он утверждался здесь не как либерал, а как патриот, прежде всего предлагавший единственное, с его точки зрения, средство спасения России от гибели [3, с. 225]. Кроме того, ему надо было отмежевываться от либерального большинства, которое, с его точки зрения, оставило позиции «разумной умеренности», встав на путь социализации доктрины.

Либерал-консерватор следующего поколения П.Б. Струве, отвергавший особый исторический путь России, тем не менее констатировал, что только патриотический идеал может заполнить пропасть, отделяющую правителей от подданных. Либерализм означал для него утверждение неотъемлемых прав личности, которые не подлежат посягательству ни со стороны власти, ни со стороны отдельных лиц, а подлинное, не формально-отвлеченное понятие консерватизма было связано в его сознании с сохранением монархии, сильной государственности: «И тут мы нащупываем подлинный пафос консерватизма и его подлинное содержание. Таковым является государственность как утверждение всенародного единства, или соборной личности народа, и против классовых поползновений, и против безоглядных притязаний личности, т.е. против чрезмерного коллективизма и против крайностей индивидуализма» [18, с. 132–133]. Струве считал, что необходимо опираться на благую традицию отечественной мысли, представленную Сергием Радонежским, Н.М. Карамзиным, П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным, Б.Н. Чичериным, И.С. Тургеневым и др.

Разразившийся в конце XIX – начале XX в. кризис представлений о возможности обновления политического строя России, ее успешного экономического и научно-технического развития по западным образцам и при западном участии, притом с сохранением суверенитета и могущества, был вызван разочарованием в результатах внутренней и внешней политики государства (так, технико-экономическое развитие России при Александре III и Николае II стало почти целиком поступательной колонизацией западного капитала), осознанием того, что Запад раз за разом демонстрировал коллективную цивилизационную враждебность по отношению к европеизирующейся России.

Деятельность близкого к западникам либерального славянофила, земского активиста, позднее одного из учредителей Союза 17 октября, члена Государственного совета Д.Н. Шипова олицетворяет тщетные надежды на союз либералов и охранителей. Так, в 1899 г. в Москве Шипов и братья-близнецы князя Петр и Павел Долгоруковы (основатели кадетской партии) организовали полуконспиративный кружок «Беседа», среди участников которого были не только будущие лидеры Партии народной свободы (Г.Е. Львов, Ф.А. Головин, В.А. Маклаков, Л.Н. Новосильцев и др.), но и прямые потомки славянофилов (Ф.Д. Самарин, Н.А. Хомяков, М.А. Стасович), а также еще более правые (В.А. Бобринский, П.С. Шереметев).

Политика Временного правительства под лозунгом «войны до победного конца» во имя интересов Антанты стала причиной того, что, с одной стороны, к власти пришли большевики, а с другой, возникли союзы «белых» правительств с интервентами, – все это дало возможность апеллировать уже большевикам к патриотическим чувствам. Эмиграция «первых волн» в качестве развернутой доктрины основательно разработала только откровенно антизападническое евразийство, остальные движения (РОВС, Высший монархический совет, Народно-трудовой союз и др.) и мыслители (И.А. Ильин в «Наших задачах», И.Л. Солоневич в «Народной монархии»), в сущности, не выработали конкретного, определенного, качественно нового проекта, по-настоящему реализовав лишь (с разной степенью адекватности) анализ причин, приведших Россию к большевизму.

Таким образом, значение концепта «патриотизм» в структуре парадигмальных оснований русского западничества в России Нового времени было обусловлено в первую очередь влиянием европейской научной и философской методологии и идеологии нациестроительства, правового государства и гражданского общества, претерпев в рамках рассматриваемого исторического периода определенную эволюцию.

В период духовного расцвета и многополярности самого Запада обращение к патриотизму как к категории и ценности в определенной степени способствовало самоидентификации, концептуализации и структуризации российского западничества и использовалось его различными политическими течениями: демократическим, либеральным и консервативным. Заметное место в западнической мысли занял тезис о том, что путь к подлинному патриотизму состоит в развитии личности и формировании нации. Однако, по мере дальнейшего развития общественного сознания (вторая половина XIX – начало XX в.), по-настоящему убедитель-

тельно обосновать возможность замены русской личности на универсальность с «русским лицом» западничество не смогло и стало использовать идею патриотизма в большей степени как пафос, риторику, временный инструмент при возникновении внешних вызовов.

Коренным источником противоречивости либо декларативности патриотического западничества выступает принципиальное восприятие России как периферийной части западной системы, неготовность увидеть в самобытности и незападности культуры, быта, ценностей что-либо, кроме отсталости, а также абстрактность и недостаточная эмпиричность «патриотического дискурса», отсутствие способности почувствовать «душу» народа, понять его интересы. Именно стремление изменить ценности явилось огромной ошибкой западнических патриотов (как теоретиков, так и практиков-реформаторов вроде П.А. Столыпина), из-за чего наша страна неоднократно впадала в «кризис души», переживая очередные исторические катаклизмы. Следует признать, что применительно к Новому времени можно выделить ряд примеров подлинного патриотического западничества в практике преобразований, при неоднозначных последствиях последних. Относительно краткосрочная модернизация, победы, внешний блеск и могущество закономерно сменялись еще большей архаизацией общественных отношений, духовным обеднением, новыми вызовами.

Новейшее время стало временем упадка патриотического западничества, развернувшегося в силу не только внутренних, но и внешних факторов (торжество глобализма и наднациональных управленческих институтов, духовный кризис западной цивилизации, фронтальный характер конфронтации с западным миром в рамках биполярной системы, а также в свете реалий последних лет). Тем не менее, несмотря на реальное усиление оппозиций («левые – правые», «западники – патриоты»), рассмотрение наследия русского западничества сквозь призму проблемы патриотизма позволяет отделить в нем научное от ненаучного, вычленив как деструктивный, так и конструктивный потенциалы для определения исторических перспектив современной России.

Литература

Исследования

1. Журавлев В.В. Патриотизм и национализм как факторы российской истории // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 3 (72). С. 16–40.
2. Килин С.В. Этапы развития понятия патриотизма в западноевропейской и русской философии: историко-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2. Москва, 2023.
3. Китаев В.А., Медоваров М.В. Б.Н. Чичерин и его консервативные оппоненты накануне Первой Русской революции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 222–229.
4. Кочеткова Н.Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века / Ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеева. Л.: Наука, 1974. С. 50–80.

5. Минаков А.Ю. Западничество как болезнь русской цивилизации // Журнал Института наследия. 2018. № 2 (13). URL: <https://sciup.org/170174038>.
6. Мочалов Е.В. Проблема патриотизма в философии России // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 90–92.
7. Сергеев С.М. Декабристы – первенцы русского национализма // АПН. 14.07.2010. URL: <https://www.apn.ru/publications/article22993.htm?ysclid=l5azf3fewm50056722>.
8. Сергеев С.М. Как возможна русская русофобия? // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13). С. 66–85.
9. Холмогоров о западниках и славянофилах // *Livejournal*. 8.03.2019. URL: <https://adept58.livejournal.com/797694.html>.

Источники

10. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 10. М.: АН СССР, 1954. С. 8–50.
11. Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Белинский В.Г. Собр. Соч. В 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. С. 8–64.
12. Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, Московский учебник, 2002.
13. Катков М.Н. Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Критика // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Отд. VI. С. 1–92.
14. Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 465–508.
15. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга вторая. М.: Мысль, 1993.
16. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 11 т. Т. 6. М.: Л.: АН СССР, 1962. С. 381–404.
17. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952.
18. Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 131–134.
19. Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М.: Наука, 1988.
20. Флоровский Г.П. Петербургский переворот // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/puti-russkogo-bogoslovija/5.
21. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 523–538.
22. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, Санкт-Петербург. изд. фирма, 1998.

Tyapin, Igor N. *Patriotism in the structure of the paradigmatic foundations of various trends in Russian Westernism in the 19th and early 20th centuries*

References

1. Zhuravlev, V.V. (2013), Patriotism and nationalism as factors in Russian history, *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 3 (72), pp. 16–40 (in Russian).

2. Kilin, S.V. (2023), *Stages of development of the concept of patriotism in Western European and Russian philosophy: a historical and philosophical analysis*, Ph.D. Thesis, 5.7.2, Moscow (in Russian).
3. Kitaev, V.A., Medovarov, M.V. (2011), B.N. Chicherin and his conservative opponents on the eve of the First Russian Revolution, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 222–229 (in Russian).
4. Kochetkova, N.D. (1974), The oratorical prose of Theophan Prokopovich and the development of classical literature, in: Makogonenko, G.P. & Moiseeva, G.N. (eds.), *XVIII vek. Sbornik 9: Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoy chetverti XVIII veka* [The 18th century. Collection 9: Problems of Literary Development in Russia in the First Quarter of the 18th Century], Nauka, Leningrad, pp. 50–80 (in Russian).
5. Minakov, A.Yu. (2018), Westernism as a disease of Russian civilization, *Zhurnal Instituta naslediya*, no. 2 (13), URL: <https://sciup.org/170174038> (in Russian).
6. Mochalov, E.V. (2016), The problem of patriotism in Russian philosophy, *Sotsialno-politicheskie nauki*, no. 2. pp. 90–92 (in Russian).
7. Sergeev, S.M. (2010), The Decembrists were the pioneers of Russian nationalism, *APN*, 14.07. URL: <https://www.apn.ru/publications/article22993.htm?ysclid=l5azf3fewm50056722> (in Russian).
8. Sergeev, S.M. (2013), How is Russian Russophobia possible?, *Voprosy natsionalizma*, no. 1 (13), pp. 66–85 (in Russian).
9. (2019), *Kholmogorov o zapadnikakh i slavyanofilakh* [Kholmogorov on Westernizers and Slavophiles], URL: <https://adept58.livejournal.com/797694.html> (in Russian).